

Читайте в серии:

- * Никто об этом не узнает**
- * Пусть об этом знают все**

РИТА НАВЬЕР

ПУСТЬ
ОБ ЭТОМ
ЗНАЮТ
ВСЕ

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н15

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *Александры Харитоновой*

Навьер, Рита.

Н15 Пусть об этом знают все / Рита Навьер. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104296-7

Прошло два года с тех пор, как Алена и Максим были разлучены. Они пытались начать свою жизнь заново, но, встретившись однажды, поняли, что не могут друг без друга.

Очень сложно еще раз поверить человеку, который когда-то предал. И как же важно дать второй шанс тому, кто благодаря тебе узнал, что такое настоящая любовь! Пусть впереди их ждут противостояние родных, боль и разочарование, интриги и ревность, у них есть то, ради чего стоит жить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104296-7

© Навьер Р., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

На пышном торжестве настоял папа. Алену бы вполне устроил и семейный ужин с тортиком. Именно так они, например, недавно отметили день рождения Артема. Сдержанно и уютно. А тут на тебе — вечеринка на пароходе с живой музыкой, фейерверком, толпой гостей... Алене было совершенно не по себе, но папу разве переубедишь? Нет.

И была бы хоть дата юбилейная, а то — девятнадцать. Ну ни к селу ни к городу все это. Да и Жанну Валерьевну лишний раз нервировать не хотелось. Она и без того с трудом терпела Алену. В том, что случилось с Максимом, обвиняла ее. Не прямым текстом, конечно, для этого она была хорошо воспитана. Просто между собой они едва разговаривали, поддерживая холодный нейтралитет. Но мачеха злилась, и сильно — прорывалось такое иногда. Особенно негодовала оттого, что отец все чаще отказывал ей в каких-то прихотях и желаниях, для дочери же не скупился. Однако стоило Жанне Валерьевне попрекнуть его, он тут же зверел: «Я твоему сынку каждый месяц на карту скидываю столько, сколько у меня главный инженер получает. Так что помолчала бы уж... И вообще, у меня деньги в обороте. Каждый изъятый рубль — это недополученный доход».

Пролетев с губернаторским постом, отец горевал недолго: подтянул старые связи, вынул из закровов накопленные капиталы, явно немалые, потому что как-то неслыханно быстро раскрутился. Вот и речное пароходство выкупил, правда, захиревшее. Совсем на ладан дышало: причальные сооружения обветшали, плавсредств на ходу — наперечет, да и те ржавые и далеко не ходили. Со скрипом до ближайшего острова и обратно. Отец же сумел все это гиблое дело каким-то чудом реанимировать, наладил грузовые перевозки в придачу к пассажирским, разнообразил маршруты, обновил парк судов.

У Алены тоже с позапрошлой осени жизнь кардинально изменилась. После отъезда Максима и злополучного скандала в гимназии отец перевел ее в языковой лицей. Сначала учиться там было туго, но упорные занятия с Лилией Генриховной и вузовским репетитором по английскому помогли наверстать пробелы: разобраться в грамматике, поставить произношение, расширить словарный запас, а к весне она и вовсе выбилась в отличницы. С математикой на экзаменах чуть просела, но с литературой и языками справилась на ура. Недолго думая, отец запихнул ее в местный университет на факультет иностранных языков, ну а чтобы поощрить успехи, укрепить достижения и заодно развеять ее тоску, отправил на лето Алену в Англию. Не одну, конечно. Приставил какого-то молчаливого лба, чтобы охранял девочку от всевозможных неприятностей.

Ехать так далеко Алена жутко трусила, но и хотела: это ж, считай, совсем другой мир. А оказавшись там, просто не верила в окружающую действительность. С ней ли все это происходит? Или это затянувшийся сон? Могла ли она, чье детство прошло в трухлявой, прокопченной сивушными парами избе, подумать, что

будет просыпаться в уютном номере резорт-отеля в Гринвиче? Да никогда!

А вообще, отец правильно рассчитал: перемена обстановки, восемь недель роскоши, неги и сплошь положительных и ярких впечатлений повлияли на нее на удивление благотворно. Плюс погружение в разговорный английский перед первым курсом пришлось очень кстати.

Домой тогда она вернулась отдохнувшая и, что самое главное, воспрянувшая духом. Ведь правда, минувший год дался очень нелегко. Даже после перевода в новую школу, где, на счастье, обстановка была вполне себе комфортная и дружелюбная, Алена никак не могла избавиться от затяжной черной тоски, что засасывала ее, как болото. Ни с кем на контакт не шла. В любых приветливых жестах или словах новых одноклассников искала подвох. Потому ни с кем и не сдружилась. Умом она сама себе такой не нравилась — подозрительной, неуверенной, замкнутой, — но ничего поделать не могла.

Однако не только это ее подтачивало. Максим... Первые месяцы о нем вспоминала почти постоянно, с ноющей болью в груди, с глухой, отупляющей тоской.

Все время ждала, ругала себя, но все равно ждала от него хоть весточки, хоть звонка, хоть коротенького сообщения. Но нет. За целый год ни единого слова от него, ни знака, ни намека. Он как будто не уехал, а исчез, растворился бесследно, порвав все нити, связывающие его с семьей.

Впрочем, следы были, и нити были, и редкие обрывочные упоминания. Порой за обедом или ужином, случалось, Жанна Валерьевна проговаривалась о нем, но смолкала сразу же под тяжелым взглядом отца. Тема Максима стала в семье почти запретной. Только когда на семейные торжества приезжал дед — крупный, до-

родный старик с густой шевелюрой и раскатистым басом, — о Максиме говорили как о члене семьи. Только тогда она ловила жадно, хоть и не подавая виду, крупницы информации: где он, что делает, как его успехи, куда планирует поступить.

Позже нашла его страничку в инстаграме — вконтактный свой аккаунт он удалил и вместо провокационной фотографии, на которой он всклокоченный, веселый и с сигаретой в зубах, с экрана таратился раненый Спотти — маскот ВК. Расстроилась тогда ужасно, зато, обнаружив Максима в инстаграме время спустя, так радовалась, будто клад отыскала. Отслеживала, сохраняла удачные фото к себе, в скрытую папку, и сама при этом не понимала, зачем все это. Всякие умные статьи с советами прогрессивных психологов настоятельно рекомендуют «отпустить». Так и говорят: не сложилось — отпусти. Еще бы сказали, как отпустить, когда это в тебя въелось намертво, проросло в каждую клетку, смешалось с кровью и циркулирует по всему телу.

Помогала не сойти с ума, как ни странно, учеба. Вдалбливая в себя английские времена, модальные глаголы и сослагательные наклонения, Алена невольно отвлекалась от гнетущих мыслей. Потом подоспели экзамены, единые государственные и жутко выматывающие.

Ну а поездка в Британию помогла понять, что жизнь не остановилась и не закончилась на ее личной драме. Да, тяжело было, да, горько, но кругом и приятных впечатлений полно, надо просто им открыться и смело шагать дальше. Ведь сколько всего нового-неизведанного!.. К тому же и сам Максим, как выяснилось из подслушанного разговора Жанны Валерьевны, не унывал: поступил там в университет и возвращаться сюда категорически не собирался.

Студенческая жизнь ее мало отличалась от школьной, особенно в первый семестр. Университет — дом — фonoзал — библиотека. Изредка выходила в свет с отцом, а так — сплошная учеба. С одноклассницами, а уж тем более с одноклассниками общалась мало и неохотно. Привет-привет, пока-пока — собственно, и все контакты. Те поначалу куда-то все норовили ее зазвать, но в конце концов оставили попытки.

Еще по старой привычке Алена иногда заглядывала в инстаграм. Отмечала, что вот он постригся, вот — наколот себе трайбл-тату на плече, вот — дурачится, висит на перекладине вниз головой, а вот — серьезный, хмурый, курит. Так возникала иллюзия, будто он почти рядом, будто она может слегка коснуться его жизни. Это дарило странное успокоение. Дарило, пока она не наткнулась на фотографию, на которой Максим в обнимку с хорошенькой блондинкой. Перешла по отметке в ее аккаунт — а там их совместных фото, в том числе и весьма откровенных, видимо-невидимо. Блондинка явно не стеснялась, да и он тоже...

Глупо, конечно, было думать, что он будет жить монахом, да она и не думала, а все равно увидеть их своими глазами оказалось неожиданно больно. Не так нестерпимо, как прежде, все-таки полтора года прошло. Кольнуло, понуло и отпустило, оставив внутри неприятную пустоту. Надо жить дальше...

* * *

На верхней палубе играл саксофон — отцу, в целом небольшому любителю музыки, джаз нравился, особенно под выпивку. Рядом с ним крутилась явно перебравшая дама в открытом красном платье. Жанна Валерьевна старательно делала вид, что ничего этого не замечает,

но, конечно же, и замечала, и негодовала, и готова была не то расплакаться, не то отправить за борт навязчивую lady in red.

Артем, на него время от времени поглядывала Алена, тоже пребывал не в духе. С самого начала вечера прилепился в дальнем углу и взирал оттуда на всех с видом мизантропа, что выглядело даже противоестественно, учитывая его ангельскую внешность. Впрочем, когда к нему изредка подходил кто-нибудь из гостей, он сию секунду преображался, но лишь до тех пор, пока вновь не оставался один.

Между столиками сновали расторопные официанты, подносили закуски и напитки.

Алена откровенно скучала и ждала, когда все это пиршество закончится. Ну или хотя бы когда можно будет уйти в свою каюту, не нарушив правила приличия. А там уж закрыться ото всех и вся. Не любила она шумные сборища. Чувствовала себя в такие моменты нестерпимо одиноко. Да и ноги в туфельках на высоченных шпильках нещадно гудели.

Заметив, что, в общем-то, гости разбились на кучки по интересам и особенного внимания на именинницу никто не обращает, Алена решила, что самое время незаметно покинуть «бал», и отправилась в каюту.

Она уже спустилась по крутой и узенькой лестнице в твиндек, когда ее нагнал вдруг Артем.

— Сбегаешь с собственного праздника? — спросил он.

— Я просто устала, — пожалала она плечами. — И голова болит от шума.

— Ну да, отец любит устраивать показательные мероприятия с размахом, — хмыкнул Артем. — Точнее, нет, вру, как раз не любит. Но так надо, так выгодно... А он

любит выгоду, которую ему эти мероприятия приносят. Сам же половину из этих людей терпеть не может.

Почему-то слова Артема неприятно царапнули. Зло он это как-то сказал. Зло и ехидно.

— Зачем ты так говоришь?

— Потому что так оно и есть, — улыбнулся он одними губами. В глазах же сквозил холод.

«Он же меня ненавидит», — подумалось вдруг Алене.

То есть она всегда понимала, что Артем не питает к ней теплых братских чувств, и свыклась давно, сведя их общение к минимуму, но вот такая лютая, неприкрытая ненависть стала для нее неприятным откровением.

— Не думаешь же ты, что он вбухал такие деньжищи, исключительно чтобы тебя порадовать? Людей этих приглашал ради тебя, ага, — продолжал Артем с усмешкой. — Большинство из них даже не знают, как тебя зовут. А назавтра про тебя и не вспомнят. Весь этот маскарад — просто красивый повод утрясти кое-какие дела. Отец там на какой-то остров зарился, уверяю тебя, после твоего дня рождения он его получит. Ну и в очередной раз посверкать перед телекамерами для поддержания легенды тоже не лишне.

— Какой легенды? Артем, — как можно мягче произнесла она, хотя от его ледяного взгляда хотелось поежиться, — ты, наверное, просто чем-то сильно расстроен, вот и говоришь так...

— Пфф, — усмехнулся он, — глупости какие! Я просто знаю нашего папу гораздо лучше, чем ты. А легенда... Ну как же? Забыла, что ли, красивую историю любви бедного городского студента и де... И твоей матери, которых якобы разлучили обстоятельства? А затем не менее трогательную историю счастливого воссоединения отца и дочери. Все это сочинил Руслан Глушко для

журналистов и для публики, чтобы отец на выборах победил.

— Почему сочинил? — глухо спросила Алена, интуитивно чувствуя, что сейчас произойдет нечто ужасное, непоправимое. — Так ведь все и было.

Артем коротко рассмеялся. Ей хотелось уйти или хотя бы заткнуть уши, лишь бы не слышать пугающих слов, но что-то ее останавливало. То ли желание все-таки узнать правду, то ли надежда, что мальчик сейчас ляпнет совсем уж чушь, и тогда станет ясно, что все он выдумал со зла.

— Ты серьезно? Ты правда думаешь, что так все и было? — Он вдруг развеселился, отчего Алене стало еще хуже. — Ну ты и наивная! Да плевать он хотел и на тебя, и на твою мать. Если бы журналисты не пронюхали, ты бы так и жила в своем детдоме, ну или где там... Это Руслан Глушко присоветовал отцу тебя взять, чтоб общественность умаслить. А отец еще долго упирался, отбрыкивался, до последнего искал какие-нибудь другие варианты, лишь бы тебя не брать. Только когда рейтинг окончательно рухнул, согласился скрепя сердце. А как при этом мучился, бедный, — ты бы видела!

Алена, ни слова не говоря, развернулась и быстро, едва сдерживая порыв припустить бегом, пошла к своей каюте. Спиной, затылком чувствовала пристальный взгляд Артема, жалящий и наверняка злорадный. Безусловно, он ей все это высказал не случайно, а с умыслом: хотел задеть, ранить как можно больнее. И ему удалось.

Уединившись, она тут же дала волю слезам, хотя, как могла, сама себя успокаивала. Внушала, что этот избалованный мальчишка сочинил все. Намеренно наговорил гадостей, потому что злится на нее. Потому что нена-

видит и всегда ненавидел. Правда, вот за что? Она ведь ничего плохого ему не делала. Но может, ревнует отца? Или обижается. А может, потому, что его день рождения отмечали скромно, в узком кругу, а тут такая роскошь, к слову, действительно слишком уж показная. На душе нехорошо царапнуло. Закралась холодная и скользкая мысль: а вдруг все же Артем сказал правду насчет отца?

Да нет, не может быть такого! Папа столько всего хорошего для нее сделал, сколько ни один человек за всю жизнь. А переживает как по каждому поводу! Такое ведь необразишь... Да и зачем бы ему? Так что глупо будет с ее стороны поверить злым словам обиженного подростка.

Вроде бы Алена и успокоилась, перестала всхлипывать, однако неприятное чувство, несмотря на доводы, не смолкало, неотвязно зудело и зудело, не давая покоя. Даже сон и усталость как рукой сняло. Но и возвращаться на верхнюю палубу, где до сих пор шло гуляние, не хотелось.

Пиликнул сотовый. Алена встрепенулась, с волнением достала телефон. Ровно год назад ей так же, вечером, прилетела эсмэска от незнакомого абонента с одним-единственным словом: «Поздравляю!» Понятия не имея, чей это номер, Алена шестым чувством догадалась: поздравление от Максима.

Потом проверила код региона, и точно — Калининград. Туда сослал его отец. Долго тогда думала, как ответить, нервничала, гипнотизировала сообщение, а у самой сердце из груди выпархивало, будто это не коротенькое «Поздравляю», а пылкое признание в любви. Но ведь год молчал, а тут вспомнил. Как не разволноваться?

В конце концов отправила просто: «Спасибо». И потом еще несколько дней ждала в томлении еще какого-нибудь привета из Калининграда, мечтала, как у них завяжется диалог и, может быть... Ведь есть же, например, скайп. Услышать бы его голос, увидеть бы вживую губы его, глаза, улыбку, пусть и с экрана!

Но ничего не случилось. Ровным счетом. Ни строчки. Ни единого слова. Зря ждала, зря надеялась. А потом еще и та фотография в обнимку с другой.

«Надо забыть и жить дальше», — в который раз повторила себе Алена.

И жила ведь! Были даже и счастливые дни, ну во всяком случае, приятные. А вот прилетела эсэмэска — и сердце снова екнуло. Но оказалось, напрасно.

Сообщение было от Дениса Яковлева.

«Что ему опять надо?» — раздраженно вздохнула она, открывая «конвертик».

Поздравлял с днем рождения. Надо же, пронюхал где-то и вспомнил. А вот кое-кто другой не вспомнил...

Последние месяца четыре или даже пять, в общем, практически сразу с начала второго семестра, этот Яковлев буквально преследовал ее. Учился он в том же корпусе, в котором обитал их иняз, только на факультете управления и менеджмента, и уже на четвертом курсе. Среди девчонок котировался довольно высоко. Даже Алена, а уж как она мало общалась с сокурсницами, и то слышала о нем всякие сплетни и волей-неволей была в курсе, с кем он встречается да где он качается. Многие девочки на него заглядывались, но у нее вот такие, развязные и самоуверенные, на подсознательном уровне вызывали отторжение.

Яковлев действительно бросался в глаза — прямо истинный мачо: рослый, крепкий, ухоженный, само со-

бой, спортивный и, главное, наглый. Впрочем, его наглость была без особого хамства, этакая обескураживающая непосредственность вкупе с эгоизмом и самолюбованием.

Почти всегда ходил он в окружении себе подобных дружков, но те его не затмевали, поскольку были чуть поплоче, попроще, менее спортивные, менее нахальные.

Гонял Яковлев на скутере Yamaha Jog, жил в общежитии на Набережной и до прошлой осени встречался с огненно-рыжей Лизой. Потом парочка распалась, и подробности их бурного расставания целую неделю мусолили чуть ли не на каждом углу.

Вероятность того, что этот zalюбленный красавчик заметит Алену, была ничтожно мала, поскольку их маршруты, интересы и окружение не пересекались нигде и никак, линии их жизни текли абсолютно параллельно. Они даже учились в разные смены: будущие управленцы — с утра, лингвисты — с обеда. И если бы не девчачий ажиотаж, она бы тоже на него вряд ли обратила внимание.

Единственный раз, когда их траектории неожиданно сошлись на сетке координат в единой точке, пришлось как раз на последние дни декабря — зачетную неделю.

Георгий Ильич, преподаватель физкультуры, погнал первокурсниц их потока на лыжную базу университета сдавать зачет: три тысячи метров классическим ходом. Беговые лыжи, палки и ботинки выдавали там же, на складе, под залог студенческого билета.

Свежая лыжня убегала вправо, опоясывала кольцом реденький лесочек и возвращалась к линии старта. Девчонки сбились в галдящую стайку. О чем-то спорили, смеялись, мучились с креплениями на лыжах. На зачет, как ни странно, поехали почти все. Хотя накануне, уз-